

Михаил АГАРУНОВ

«Каждый обязан оставить свой творческий след на земле», – таково моё убеждение, моё кредо, с которым я прошёл через всю жизнь. Мы рождены не только для того, чтобы продолжить род человеческий. Нельзя просто так уйти из жизни, надо успеть оставить потомкам что-то такое, что поможет обществу в дальнейшем его развитии.

Нет, это – не тщеславие. На мой взгляд, каждому человеку надлежит оставить такой след, который будет помнить и использовать потомками, даже если забудется имя оставившего этот след. Считаю, что в этом и есть предназначение каждого нового человека на Земле.

И именно в этом, на мой взгляд, отличие следа человека от следа обычного животного. Человеческий след должен быть творческим. Пусть он будет духовным, материальным, художественным, научным, культурным – не важно. Но пусть обязательно будет творческим. Ибо человек создан мыслящим, готовым к творчеству, что, безусловно, и способствует прогрессивному развитию общества.

Может быть, мои слова покажутся несколько высокопарными, но я всегда жил с этой убежденностью. И еще больше утвердился в ней после встречи с выдающимся физиком Виталием Гинзбургом, одним из самых активнейших, но в то же время удивительно корректных борцов с лженаукой.

Это встреча произошла, примерно, в 2002 или в 2003 году на организованном «Благотворительным фондом развития еврейской культуры» диспуте ученых-естествоиспытателей с теологами, крупнейшими деяте-

лями духовенства России. Шла оживленная, но непримиримая дискуссия после издания этим фондом книги о так называемом «Большом взрыве» во Вселенной.

Я, грешным делом, даже подумал: а чего это и меня пригласили, так как считал, что мне – ученому, проработавшему много лет в Институте физики, нечего здесь делать. С несколько безучастным лицом сидел и академик Виталий Гинзбург.

Дискуссия, в основном шла вокруг вопросов создания Земли и человека и существования потустороннего мира, т.е. о наличии «жизни» после смерти и, в конце концов, о том, что первично, а что вторично – духовное или материальное.

Когда слово предоставили Гинзбургу, мне показалось, что он не очень-то хотел выступать и сказал примерно следующее: «Я знаю только одно: мне сейчас 87 лет, и, к печали моих родственников и близких, меня скоро не будет. Это – процесс естественный. Они меня более не увидят, но всегда будут помнить и вспоминать меня по тому, что я оставил в их памяти о себе».

Он произнес это спокойно, как бы не участвуя в диспуте, но весьма ясно дал всем понять: то, что его скоро НЕ БУДЕТ, он знает точно. А все остальное – не точно. Но он оставил свой след, и люди смогут продолжить с ним говорить, дискутировать... Конечно, не лично с ним, а с тем, что он оставил на Земле.

Столпы духовенства (я это произношу без иронии, там на самом деле собрались довольно серьезные оппоненты) не очень-то отреагировали на его слова. Мне кажется, не все из них даже поняли, что он этим самым хотел сказать. А для меня это был удивительно мощный нравственный посыл гениальнейшего человека современности...

Каков мой личный творческий след, оценивать не берусь. Это смогут сказать лишь будущие исследователи. Значимость любого вклада в науку может быть во всех случаях оценена лишь после прохождения определенного периода. Я имею в виду период в научном плане, т.е. после появления определенного количества научных трудов на эту тему в дальнейшем.

Но я горд тем, что мои начинания «зажгли» интерес к по-

Мое жизненное кредо

К 75-ЛЕТИЮ ПРОФ. МИХАИЛА АГАРУНОВА

добным исследованиям у многих представителей нашего народа. А это, на мой взгляд, – самое главное, что можно и нужно было сделать сегодня. У людей появилась какая-то особая гордость за свой народ, они, возможно, стали более патристичными, пристальнее заглянув в свое прошлое.

Ведь посудите сами: до 90-ых годов прошлого века в течение нескольких десятков лет

шья судьба небольшого народа» и «большой сын маленького народа» и пр. и пр.

Затем я занялся семейной генеалогией. Создал «Еврейское генеалогическое общество в Азербайджане», опубликовал данные как своего рода, так и знаменитого рода Анисимовых. Это вызвало настолько большой интерес у тех, кто занимался с моими публикациями и выступлениями, что я стал

Михаил, Туран и Юсеф Агаруновы. 1962 г.

не было никаких трудов, никаких новых сведений о горских евреях. Но вот мне удаётся выпустить в свет книгу моего отца Я.М. Агарунова «Большая судьба маленького народа», которая вызывает бурный интерес и моментально расходится.

Огромное значение этой книги в том, что ее выход подтолкнул многих и многих к тому, чтобы также поделиться своими знаниями, своими воспоминаниями. Многие жители Красной Слободы сели писать воспоминания, дополняющие сведения из книги «Большая судьба...», а следом тем же занялись и уроженцы других мест.

Я даже как-то попытался определить, сколько же затем появилось в печати книг различных авторов, вдохновленных «Большой судьбой...». А сколько статей в газетах, журналах, альманахах! Даже сама фраза «Большая судьба маленького народа» настолько понравилась, что некоторые авторы, так или иначе перефразируя, стали использовать ее в названиях своих статей. Здесь и «большой

В Институте физики

получать огромное количество писем с просьбой помочь в составлении родословных. Ведь фраза, сказанная как-то мной: «Как можно писать историю своего народа, если тебе не известна история твоей семьи?», открыла многим глаза на то, что, ведь, на самом деле, история народа фактически складывается из суммы историй семей этого народа.

Поиски для составления родословных привели к тому, что люди сами поразились, сколько же интересных, замечательных людей вышли из среды горских евреев.

Могу с гордостью сказать, что исследование, начатое мною в 1995 году, подхвачено многими, и к настоящему времени этим энтузиазмом «заражены» практически все семьи и, самое главное, наши молодые люди. А это значит, что рано, очень рано говорить о предстоящей ассимиляции нашего народа с другими, исчезновении его языка и т.д.

Теперь о языке. Приступая к словарю, я даже не знал, с «какого боку» подойти к этой проблеме. Ведь с ней не справились десятки замечательных представителей нашей творческой интеллигенции, начиная еще с 1926 года, т.е. более 85-ти лет назад, когда это было запланировано. Не справились не столько потому, что не сумели по своим знаниям, сколько из-за отсутствия поддержки.

Чтобы не погубить это дело, я стал обращаться к тем, кто, по моему расчету, был более близок к такому роду занятиям. Не буду называть их фамилии, но поддержки я не нашел. Думаю, причина была в одном: слишком сложным было это дело, незнакомым. Пришлось бы идти по совершенно непроторенному пути. В своей профессиональной научной практике мне

и прежде приходилось сталкиваться с такими вроде бы непреодолимыми проблемами. Я уже привык, ни на кого не надеясь, стиснув зубы, не обращая внимания на усмешки, молча, делать дело в одиночку.

И когда я все же издал в 1997 году первый, так сказать, пробный словарь, и люди увидели свои родные слова в печати с переводом, а в некотором случае и с толкованием, многие стали самостоятельно его дополнять, а некоторые – и просто самим составлять словари.

Подумать только: сразу же, буквально через несколько лет, один за другим начали появляться наши словари. Вы знаете, среди ученых частенько бывает некая конкуренция или же ревность к чужим публикациям или открытиям. А меня же охватила радость: наконец-то дело сдвинулось с мертвой точки. Большое количество людей взялось за эту работу, а значит, и очень большое количество слов нашего уникального языка сохранено в истории.

Огромный интерес был вызван именно к нашему письменному, литературному языку. А это требует уже высокой грамотности, хорошего образования. Видите, как все взаимосвязано. Люди, хорошо владеющие нашей устной речью, взялись за письменность, стали больше читать изданную ранее литературу на нашем языке. Взрослые люди, да и молодежь, начали атаковать библиотеки, где еще сохранились изданные ранее книги, словари, альманахи и пр. То есть, увлеклись не только историей, но и литературным самообразованием.

Дело дошло до того, что интерес у людей к своему языку стал настолько велик, что многие, да-да, многие начали сочинять свои алфавиты, наиболее приемлемые, на их взгляд, для нашего языка. Знаете, я даже стал умолять людей не делать этого. У нас уже есть четыре алфавита, нельзя продолжать молочить людям голову и дальше. Однако, все же, появляются книги и статьи с предложением поменять алфавит. Значит, интерес к родному языку, к его изучению и дальнейшему развитию возрос. И мне кажется, что соберется всё же наш научный мир и определится и в этом вопросе. Вот ещё в чем я вижу положительный результат своего научного творчества.

А в последние годы я был вынужден, именно вынужден вернуться к составлению родословных и заняться поисками людей, судьбы которых к настоящему времени неизвестны, затерялись в суетах непростых последних десятилетий. В первую очередь, это было связано с заданием «Краткой Еврейской Энциклопедии» и «Российской еврейской энциклопедии» направлять им энциклопедические сведения об именных людях из горско-еврейской среды. Были составлены родословные известных семей, материалы направлялись в энциклопедии мира. Пришлось обращаться к многочисленным родственникам этих людей, просить их присоединиться к этой работе. Затем уже в их собственных трудах я часто получал благодарность за то, что напомнил им об этой обязанности перед потомками.

Параллельно я занялся поиском своих близких, пропавших без вести на фронтах войны. Посещал архивы Министерства обороны, сталкивался с непониманием, а иногда с откровенной враждебностью разных чиновников. Пришлось изучать историю такого страшного, дикого явления, как Холокост. Ужаснулся от узанного и решил к этому не прикасаться далее.

Был в редакции «Книги памяти воинов-евреев», изучал материалы в Польше и в Германии. Не находя в списках жертв фашизма имен тех, о ком знал наверняка, взял на себя смелость требовать ввести их фамилии. И когда мне кое-что удалось, когда я сообщил о неизвестных ранее именах горских евреев, павших на полях сражений с нацизмом или пропавших без вести в той войне, ко мне стало поступать множество и множество просьб от различных семей, помочь и им в поисках близких.

Это мне одному уже точно было не под силу, и я начал учить людей, как им самим следует вести поиски для увековечения памяти родных. Всё это и есть основа основ патриотизма, всё это и составляет гордость за свой народ.

Я уверен, что мои начинания заставили многих пойти этим путем, и счастлив, что в развитии этого, уже ставшего массовым, движения есть доля и моего труда.